

**КОЛДОВСТВО КАК МЕТАФОРА СТРАТЕГИЙ РУССКОГО АВАНГАРДА В
СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ
«НА ЗАРЕ – НАИМЕДЛЕННЕЙШАЯ КРОВЬ...»**

В творчестве М. Цветаевой в период 1920-х гг. экспрессивно проявляются признаки авангардной эстетики. В этом плане показательно стихотворение «На заре – наimedленной кровью...», в котором концептуально раскрыта тема колдовства.

Ведущие цветаеведы (Р. Войтехович, М. Гаспаров, Н. Осипова, А. Саакянц, Е. Фарыно, С. Фокина, И. Шевеленко) не включили в поле своих исследований данный текст. Однако стихотворение приоритетно для анализа в плане выявления доминантной темы колдовства, решенной М. Цветаевой в контексте авторского диалога с исканиями русского авангарда.

Обращаясь к осмыслению темы колдовства, следует уделить внимание – её концептуализация в культуре. Семантическое поле, связанное с темой колдовства, включает следующие значения: магичность, демоничность, инаковость, наделенность особым даром, способность завораживать и т. д.

В символическом аспекте колдовство определяется «символом общения со сверхъестественными силами» [13]. Помимо такой коммуникативной составляющей, не менее актуально наделение особым магическим статусом творящего ворожбу.

Все вышеуказанные аспекты созвучны представлениям русского авангарда о природе вдохновения. Так Е. Тырышкина отмечает, что именно «авторская материальность и внешняя действительность являются источником инспирации» [14, 62]. Взгляд на вдохновение как своего рода одержимость обуславливает то, что «авангард снимает оппозицию материи и духа, для него все совершается здесь и сейчас» [14, 62]. Эта особенность обнажает близость авангардных поисков с метафорой колдовских практик.

Опираясь на идею одного из знаковых исследователей русского авангарда Ю. Гирина, о том, что «в авангардистскую эпоху концепт театра как модели мира» приближен «к балаганно-зрелищной эстетике цирка» [4, 30], целесообразно выдвинуть следующую гипотезу. Для русского авангарда, особенно в цветаевской рецепции, актуальна интерпретация темы колдовства. Авторскому мифу М. Цветаевой, созвучна тема колдовства, позволяющая преображать события, происходившие в реальной жизни и задавать им вариативность. Также как цирковая стихия, колдовство порождает различные трансформации, метаморфозы и карнавальное мироощущение, что особенно актуально для русского авангарда и для поэтессы в этот период творчества.

По мысли С. Фокиной, в 1920-е годы для поэтического дискурса М. Цветаевой характерно «обращение к многоликости лирического „я“, передающего расколотость сознания, фиксацию различных “точек зрения” и смену коммуникативных стратегий» [16, 106]. Идея многоликости позволяет обыгрывать смысловые доминанты, соотносимые с понятием ворожбы и магии.

Для проверки приведённой гипотезы о важности темы колдовства для авангардной эстетики, обратимся к тексту цветаевского стихотворения «На заре – наimedленной кровью...»

*На заре — наimedленной кровью,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.*

*Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет Див...*

18 февраля 1922

Темпоральное указание «на заре», определяет не только важность данного, времени суток как переломного, но, что более значимо, свидетельствует о пограничном состоянии лирической героини. Своеобразие экзистенциального опыта лирической героини на уровне подтекста соответствует метафоре колдовства, показательной для мифологии русского авангарда. Кроме того, данное время суток «на заре» может быть связано с обыгрыванием колдовского обряда.

По замечанию английского фольклориста В. Ф. Райана «...ворожба возможна преимущественно в особые, магические промежутки времени» [10,153]. Согласно поверью заря, как и полночь, наилучшим образом подходят для гадания. По определению И. Ожегова, гадание означает «узнавать или открывать что-либо неизвестное, дознаваться неведомого ворожбой» [9, 106].

В цветаевском тексте гадание являет вопрошение о своей судьбе или же чужой, что и задаёт организацию лирического сюжета. Лирическая героиня стремится к самопознанию и при этом к устремленности быть сопричастной судьбе «другого».

«Наимедленнейшая кровь» способствует такому приобщению и обретению медиального статуса, что подчёркивает изменённое сознание лирической героини. В данном контексте показательны «взаимоперетекание цветовой и семантической символики понятия красного цвета и крови» [2, 263]. Так семиотика цвета и его символика эксплицируют значения энергии и жизненных сил: «активного проявления себя» [2, 264].

В то же время, данная активность предстаёт замедленной, что означает переживание транса или же поэтического вдохновения. Лирическая героиня не только приобретает сверхъестественные силы, но изъявляет желание освободиться от земных оков: «*Дух от плоти косной берет развод // Птица клетке костной дает развод*». Дух, облечённый в плоть, именно на заре получает освобождение от обыденности, что означает, нахождение между жизнью и смертью.

При этом следует разграничивать дух и душу как проявление высших сущностей. Как отмечает Р. Войтехович, «Душа – одно из важнейших понятий в поэтическом словаре Цветаевой» [3, 15]. Чтобы понять смысловые пласты, связанные с концептом «душа», следует обратиться к толкованию данного понятия в словаре В. Даля: «Душа есть бесплотное тело духа: в этом значении дух выше души» [6]. Характерно, Дух неизменно в культуре предстает вне пола, что важно в цветаевском мифе. Душа в творчестве М. Цветаевой соотносима с образом Психеи, которая проявляется в дискурсе поэтессы как «понятие, портрет, персонаж, и авторское амплуа» [3, 9]. Посредством символов души и духа раскрывается авторский миф, и в подтексте обыгрывается метафора колдовства, задавая направление интерпретации для реципиента. Колдовской акт оборачивается своеобразной метаморфозой. Размежевание духовной и телесной сущностей обретает воплощение в теме полёта души, что тесно связывается с образом птицы.

Во многих религиозных и мистических традициях птицы «осуществляют связь между небом и землёй» [7, 401]. Крылатость души может заменяться образом птицы, который часто фигурирует в цветаевских текстах. В стихотворении «На заре – наимедленнейшая кровь...»

душа предстаёт птицей, запертой в клетке, и освобождается от мирских пут с помощью приобретения магических способностей. В этой связи особый интерес вызывают образы волшебных птиц Сирина и Алконоста.

Сирин символизирует темную силу и является посланницей «властелина подземного мира» [11]. Кто услышит голос птицы Сирина, забывает обо всем, не помнит себя и «обрекается на беды, несчастья, а то и умирает» [11]. Алконост – антипод Сирина. Услышавший пение птицы Алконост, от восторга может впасть в блаженное забвение, но «зла от нее людям нет, в отличие от ее подруги птицы Сирина» [1].

Кроме скрытой отсылки к чудо-птицам, переживание откровения в стихотворении эксплицируется в символике ока («око зрит»), сердца («сердце зрит»), уха («ухо пьет»). Изменённое состояние сознания лирической героини проявляется в колдовском преобразении всех органов чувств. Происходящая метаморфоза – показатель «отключаемости всяких связей с внешним миром => иссякания плоти => избавление от чувственности => души и наконец, от => духа» [15]. Авангардные метаморфозы как проявление темы колдовства, предполагают не только трансформацию в иную, равносильную сущность, но и развоплощение с «одновременной сменой онтологии и повышением семиотического статуса» [15]. Все указанные трансформации активизируют духовное зрение, открывают способность к ясновидению и озарению. Такое преобразование свидетельствует об освобождении от привычных реалий мирского и знаменует приобщение к Высшему знанию.

Характерно, в контексте авторского мифа М. Цветаевой приоритет отдается слуху, что свидетельствует о переживании поэтического вдохновения в экзистенциальном и магическом плане. Это особое, пограничное состояние связывает сознание лирической героини и мир «Слова о полку Игореве». Лирическое «я» же осмысливается как ипостась Ярославны, которая в цветаевском мире «символически передает психическое состояние» [16, 106], что обусловлено архетипической сущностью образа.

Некоторые реминисценции из памятника древнерусской словесности, вводят в подтекст цветаевского стихотворения образ Дива. В первый раз в «Слове...» Див предстаёт как вещая птица, некое русское языческое божество, предупреждающее врагов Руси об опасности.

При втором упоминании Див рассматривается как существо сверхъестественного плана. Падение магического Дива на землю приносит горе и ужас, знаменуя принятие позора и злосчастной судьбы, утрату славы и свободы. «Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врьжеса дивь на землю» [12]. Согласно славянским повериям Дивы «сопровождают войска, идущие на битву во время войны, а во время сражения кружат над войском» [12], предвещая поражения. Поэтому пророчества Дива, несмотря на их правдивость, вызывали обычно недоверие.

Важно отметить, что «Див, пришедший из глубин тысячелетий, вполне мог поменять характеристику с положительной на отрицательную и стать злым и вероломным персонажем» [12]. В старославянском языке развитие отрицательных значений слова «Див» соотносилось с понятием «дикий», что обусловлено влиянием восточной мифологии. В иранском мифологическом пантеоне «бог» (Дый) трансформировался в негативного персонажа, обладающего магическими функциями – Дэва. В славянской традиции Див также выступает в роли демона – прорицателя, показывающегося «людям в виде птицы или человека-вихря» [5].

Следует отметить, образ Дива соответствует эстетике авангарда по ряду показателей. Див соотносим с мифологичностью и эсхатологичностью, характерными для модели мира

русского авангарда. По утверждению Ю. Гирина, в русском авангарде «разрушение служит созиданию, а созидаящая воля ведёт мир к апокалипсису» [4]. В таком контексте образ Дива коррелирует с семиосферой авангарда. Див олицетворяет двойственность, стихийность, вдохновение и дар провидения.

В подтексте стихотворения М. Цветаева трансформирует образ Дива. Див и его символика привлекательны для поэтессы этимологическим значением, сближающим этот персонаж «с русским "диво" и родственными славянскими обозначениями чуда» [5], а также «со славянскими и балтийскими словами в значении “дикий”» [5]. В цветаевском тексте демоническое воплощение прорицания синонимичного роковому дару Дива, не только воплощение стихийной силы, но и олицетворение магического потенциала.

Кроме того, Див, согласно этимологии, мифически амбивалентен и вдохновен, что соотносимо с идеями русского авангарда. В цветаевском тексте Див – своеобразная замена музыки. Магическое преобразование, эксплицируется в тексте стихотворения, обнажает архетипические сущности Дива и Ярославны в сознании лирической героини. Обращение к изменённому состоянию сознания лирической героини и многоликости в творчестве М. Цветаевой также активизируют тему колдовства.

Список использованной литературы и электронных источников

1. Алконост // Энциклопедия мифологии **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**<http://godsbay.ru/slavs/alkonost.html>
2. Андреева В. Кровь / В. Андреева, А. Ровнер // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель; МИФ; АСТ, 2001. – С. 263–265.
3. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
4. Гирин Ю. Н. Литература в системе культуры авангарда : автореф. дис. на соискание ученой степени док. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / Ю. Н. Гирин. – М., 2013. – 50 с.
5. Гуларян А. Б. Уже врѣжся Див на землю [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://lax.ru/text/gularyan/div.htm>
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://slovardalja.net/word.php?wordid=7657>
7. Куклев В. Птицы / В. Куклев, Д. Гайдук // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт.-сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель; МИФ; АСТ, 2001. – С. 401–407.
8. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачёв // Художественная литература. – Л. : Худож. лит., 1985. – 352 с.
9. Ожегов И. С. Словарь русского языка / И. С. Ожегов. – М. : Оникс, 2008. – 1200 с.
10. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России ; [пер. с англ. А. Чернецов] / В. Ф. Райан. – М. : НЛЮ. – 720 с.
11. Сири́н // Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://godsbay.ru/slavs/syrin.html>
12. Соколова Л. Г. Див / Л. Г. Соколова // Энциклопедия Слова о полку Игореве [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es2/es2-1102.htm>
13. Трессидер Дж. Колдовство / Дж. Трессидер // Словарь символов [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://mreadz.com/new/index.php?id=229550&pages=48>
14. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов : от декаданса к авангарду / Е. В. Тырышкина. – Новосибирск : НГПУ, 2002. – 151 с.

15. Фарыно Е. Два слова о Цветаевой и авангарде: [Электронный ресурс] / Е. Фарыно. – Режим доступа к ист. : <http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm>

16. Фокина С. А. Фактор метаморфоз в контексте эстетики русского Авангарда в цикле М. Цветаевой «Сивилла» / С. А. Фокина // Культура народов причерноморья : [наук. журн.]. – Симферополь : Крым, 2011. – № 211. – С. 106–109.